

DOI: 10.15643/libartrus-2017.1.6

Динамика валентности цветообозначений в истории русского языка

© С. В. Кезина, М. Н. Перфилова*

Пензенский государственный университет
Россия, 440026 г. Пенза, улица Красная, 40.

*Email: sovyshka2608@yandex.ru

Статья посвящена изучению динамики сочетаемости слов со значением цвета в русском языке. Научная новизна представленного в статье исследования детерминируется неизученностью валентных связей цветообозначений в историческом аспекте. Актуальность научного анализа определяется системным подходом к предмету исследования, обеспечивающим верифицированность его результатов. Цель исследования – через анализ валентных связей цветообозначений выявить тенденции в эволюции колоративной системы русского языка. Сравнительному анализу подвергнуты два разновременных фрагмента лексико-семантической группы цвета в русском языке: с XI по XIV век из «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского и с XV по XVII век из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» Отбор материала по векам обусловлен его наибольшим объемом и уникальностью. Конститутивным методом научного анализа является историко-сравнительный. Анализ динамики валентных свойств цветообозначений позволил определить, что основополагающую роль в становлении колоративной системы русского языка сыграли группы моновалентных и поливалентных цветообозначений. Сравнение двух хронологических пластов русской лексики цвета показало значительный рост цветообозначений, наиболее выраженный в группе моновалентных слов. Моновалентные колоративы проявили в истории языка словообразовательную активность, которая сделала группу «сырьевой базой» колоративной системы. После отбора оптимальных цветолексем «недостаточные» члены группы архаизировались. Если группа моновалентных цветолексем явилась «сырьевой базой» для отбора наиболее оптимальных лексем, то группа поливалентных цветообозначений обеспечила устойчивый колоративный словарь в современном русском языке, в который вошли абстрактные цветообозначения, общеупотребительные слова, а также слова, претерпевшие специализацию значения. В ходе анализа валентных связей цветообозначений в истории русского языка были выявлены тенденции в эволюции колоративной системы в целом: активная генерация слов со значением цвета, обеспечившая «сырье» для отбора, и стремление к стабилизации системы цветообозначений как результату отбора и актуализации оптимальных колоративных единиц и их значений.

Ключевые слова: цветообозначение, сочетаемость, валентность, историческая многозначность, лексико-семантическая группа, архаизм, поливалентные цветообозначения, моновалентные цветообозначения.

С. Д. Кацнельсон определял валентность как «подразумеваемое значением слова или имплицитно содержащееся в нем указание на необходимость восполнить его словами определенных типов в предложении» и отмечал, что ею обладают только те из полнозначных слов, «которые сами по себе дают ощущение неполноты высказывания и требуют ее восполнения в высказывании» [1, с. 21]. Цветообозначения с этой точки зрения являются теми словами, которые непременно должны иметь при себе другие слова, раскрывающие их значение в полной мере. По самой своей природе цвет неотделим от предмета, и это отражается в языке: на

протяжении всей истории языка цветообозначения сочетаются и употребляются с наименованиями предметов, для которых цвет является главным отличительным признаком, выделяющим их среди множества прочих. Следовательно, схему валентности колоративов можно представить следующим образом: *наименование цвета + объект действительности как носитель цвета*. Данная схема продиктована не только семантическими, но и морфологическими особенностями цветообозначений. Большинство из них являются именами прилагательными, для которых «в исходном значении есть одна семантическая валентность на существительное, которая синтаксически является пассивной (т.е. само прилагательное зависит от существительного)» [2].

Анализируя динамику валентности цветообозначений в истории русского языка, мы отмечаем, что исторические изменения касались как лексико-семантических групп слов, представляющих «объект действительности» и позволяющих полнее раскрыть значение колоративов, так и непосредственно цветоименований.

Для цветолексем давно установлены сферы (зоны) денотации, перечисленные практически во всех исследованиях по исторической лексикологии [3–11], но до сих пор нет комплексного исторического исследования лексико-семантических групп, с которыми сочетается цветовая лексика, хотя именно через связи с другими словами осмысливается семантическая эволюция цветообозначений и их судьба в истории языка. Особенно важно изучение сочетаемости цветообозначений при анализе исторической динамики цветолексем, когда материалами исследования становятся памятники письменности, анализируемые с «позиции слушающего»: «Исследователь избирает в качестве отправного пункта анализа «позицию слушающего» под «давлением» источников, на которые он опирается при изучении данного явления. В качестве таковых выступают материалы словарей и готовые тексты, оперируя которыми, исследователь имеет дело с зафиксированным результатом» [12, с. 314].

В «Материалах...» И. И. Срезневского колоративы способны сочетаться как с одним конкретным словом, так и с десятками слов. По предварительным статистическим данным, в словаре из 97 отобранных для анализа цветообозначений 48 (50%) – одновалентные колоративы, 26 (26.5%) – двухвалентные, 3 (3%) – трехвалентные и 20 (20.5%) – поливалентные (к их числу мы отнесли колоративы, сочетающиеся с 4 и более (до 20) лексемами). Отметим, что при осуществлении статистики мы рассматривали орфографические варианты некоторых колоративов как отдельные цветолексемы, поскольку, как показал фактический материал, варианты отличаются степенью развития связей с другими словами.

Прежде чем обратиться к подробной характеристике групп одновалентных, двухвалентных, трехвалентных и поливалентных колоративов, мы хотели бы заметить, что не претендуем на универсальность их классификации по признаку «сочетаемость с другими словами». Расширенная за счет других источников выборка может показать, что цветообозначение, отмеченное нами как одновалентное, окажется двух-, трех- или поливалентным. Однако значительное количество проанализированных колоративов говорит о том, что в целом наши выводы будут объективны. Мы допускаем также возможность незначительной погрешности в подсчетах.

К одновалентным колоративам XI–XIV вв., отобранным из «Материалов...» И. И. Срезневского, мы отнесли *багрецовый*, *багряничный*, *благокрасный*, *бледновидный*, *болкатый* (темнокожий), *бронный*, *беласый*, *белоголубый*, *бельчатый*, *вишний*, *дикый*, *дятлен* (пестрый, как дятел), *еринной* (называемый цвет по контексту определить сложно), *златый* (в знач. желтый),

золотный, камкосинной (предположительно, оттенок синего), карий, мушкатовый (цвета мушкаты), курый, лимонный, мурамнозеленый (темно-зеленый), назельный (зеленоватый), оброщеный, плавый, празеленый, попельный, попьстреный, прапрудный, примрачный, проседы, прѣполесый, росый, русый, родрый, рыжди, рябый, самоцветный, серенный (белый, бело-серый), темносиний, светлозеленый, тьмнозеленый, узелень (светло-зеленый), чубарый, чалый, червасный, шизый, у(ю)багрый (светло-багряный; светло-синий), у(ю)синь (светло-синий). Они сочетаются со словами следующих лексико-семантических групп: «ткани» (бархат, камка, тафта, лунские: тафта мурамнозелено [13, т. 2, с. 185], тафта празелена [13, т. 2, с. 1138]), «одежда» (риза, шуба, кушак, опашень: благокрасны/ ризы [13, т. 1, с. 100], кушакъ камкосинной [13, т. 1, с. 1188]), «драгоценные камни» (оникс, пазион, камень, аспид, сардион, сапфир, агат: ахатис ксинь [13, т. 3, с. 1629], внихион' роусь [13, т. 2, с. 676]), «домашние животные» (конь, кобыла, коза: кобыл карую [13, т. 1, с. 1198], конь чаль [13, т. 3, с. 1471]). Иногда можно встретить сочетания с местоимениями разных разрядов (все, иной, ово (последнее встречается чаще прочих местоимений)). Реже колоративы употребляются со своим родовым словом «цвет» и названиями частей тела человека (еринной цвет [13, т. 1, с. 832], кветъ мушкатовый [13, т. 1, с. 1203], брада беласа [13, т. 1, с. 217]). По частоте употреблений преобладают слова групп «домашние животные» и «ткани» (по 20% употреблений), на втором месте – слова группы «драгоценные камни» (14%), на третьем – «одежда» (12%).

Большая часть одновалентных колоративов – архаизмы. Возможно, неразвитая сочетаемость, обусловленная чаще всего специализацией значения, и стала одной из причин их выхода из активного употребления.

Двухвалентные колоративы – *алый, багровый, багръ, бурый, вороной/враный, дуг(н)атый* (пестрый), *дымчатый, зеркый/зѣкрый/изекрый* (голубой, голубоглазый), *кирпишной, надрусый, насусный* (двух противоположных цветов, например, черного с белым), *половый, полосатый, пегый, рудожелтый* (желто-оранжевый), *румяный, рыжий, саврасый, сивый, сизовый, аспидный* (цветом, как камень аспид – темный, черный), *тьмосиниц/тьмносиниц, учърмьнь* (красный, красноватый), *серебряный, цениньныи* (цвета поливы, муравы, то есть зеленый), *голубый*. Они также сочетаются с названиями тканей или кусков тканей (хозя (сафьян), полубрюкиш, атлас, тафта, портище, бархат, постав: шолкъ цениненъ [13, т. 3, с. 1439]) и одежды из них (охабень, риза, одежда, шапка, кушак, шляпа, пояс, опашень, объарь: риза дугната [13, т. 1, с. 741]), домашних животных (конь, лошадь, жеребец, лошак, грич (собака), кобыла: имеа грича полова [13, т. 2, с. 1130], драгоценных камней (сардион, оукаинф, яхонт: сьар'дион'... оучърмьнь [13, т. 3, с. 1343]). Встречаются также сочетания с именами собственными: Приамос, Неоптолемос, Менелаос, Патроколос, Антиох: Антиохъ Зекрьи [13, т. 1, с. 1013]. По частоте употреблений с цветообозначениями в примерах преобладают слова группы «одежда» (26%), чуть менее предпочтительны слова групп «животные» (17%) и «ткани» (15.5%).

Трехвалентные цветолексемы (*бледый, бурнатный, зекрый*) представлены 3-мя примерами: Клавди зекръ [13, т. 1, с. 969], полсть (лоскут или небольшой коврик) бурнатная [13, т. 2, с. 1751], лицемь бледъмь [13, т. 1, с. 119].

Поливалентные цветолексемы представлены следующими примерами, часть которых активно употребляется в современном русском языке: *багряный, белый, вишневый, желтый, зеленый, изѣкрый* (голубой, голубоглазый), *красный, кровавый, ла(о)зоревый, пелесый* (темный, бурый; сероватый; пестрый, цветной), *пестрый, редрый* (рыжий), *синий, червеный, червленый, червчатый* (красный), *черленый* (красный), *чермный* (красный, рыжий), *черный, черчатый*

(красный). Они сочетаются с названиями тканей и их кусков (бархат, шелк, сукно, лундыш, хозь, тафта, лунские, атлас, багор, камка, порпиан, черевы: атласомъ червчатымъ [13, т. 2, с. 641], лундышъ вишневь [13, т. 1, с. 1204]), одежды и ее элементов (кушак, одеяние, риза, чехол, кожух, обирь, терлик (узкий исподний кафтан), котыга, хламида, свилия, платье, куколь, пугови, паполома, клинцы, порты, тесьма, одежда: котыги пелесу [13, т. 2, с. 894], шапки черлены [13, т. 3, с. 592]). Отмечается также сочетаемость с абстрактными существительными: суштие (сущность), блеск (цвет), образ (облик), милость, свойство, вера, видение (облик): своиства чръвенод и сине и зелено [13, т. 1, с. 39], блескъ белъ [13, т. 3, с. 1556]); названиями драгоценных камней (камень, изумруд, берилл, мрамор, яхонт, пазион, анфракс: яхонтъ лазоревъ [13, т. 1, с. 301], красным мрамором [13, т. 2, с. 1604]) и животных (гоголь, лошадь, овца, коза, корова, телица, вол, бычок, зверь, бобр, пес, куны: белымъ гоголемъ [13, т. 3, с. 1013], бобръ чорнь [13, т. 3, с. 1562]). Часты сочетания со словами, называющими человека по семейным отношениям, положению в обществе и т.д. (отрок, уноша, жена, муж, юница, люди, эфиопы, человек, первенец, князь: ефиопы сини [13, т. 3, с. 536], юницу редру [13, т. 3, с. 215]). В сочетаниях встречаются местоимения разных разрядов и слова, обозначающие явления природы: некто изекръ [13, т. 1, с. 1085]. Но чаще всего поливалентные цветообозначения употребляются с лексемами групп «одежда» и «ткани» (по 14% употреблений), а также с абстрактными словами (9%) и словами группы «человек» (7.7%). Все это позволяет говорить о «широкой сочетаемости, выражающейся в возможности лексемы сочетаться с лексемами нескольких лексико-семантических групп и реализовать разные семемы (денотативные и коннотативные)» [14, с. 33] колоративов.

Поливалентные колоративы – прежде всего «базовые» цветообозначения, называющие основные цвета спектра и являющиеся абстрактными. Кроме них, в образовании валентных связей активны цветолексемы группы красного тона, которые ныне являются архаизмами (*червеный, червленьый, червчатый, черленьый, чермный, черчатый*). Если сравнивать их с колоративом «красный», то они в истории русского языка практически не развивали многозначности, в т.ч. оценочных значений, и связей с другими словами образовали меньше, чем слово «красный». Возможно, это и стало частью той самой «уязвимости», о которой говорила в своем труде Н. Б. Бахилина: «Вероятно, исчезновение древних цветообозначений объясняется различными причинами: и нелингвистическими (большие исторические перемены в России XVI–XVII вв., движение населения в эпоху Смутного времени, новая колонизация южных и восточных районов, сдвиги населения в связи с этим и прочее), и лингвистическими: не только появлением нового цветообозначения, но и качествами старых цветообозначений. В каждом из них была какая-то ограниченность, какая-то уязвимость, какая-то неустойчивость, что не позволило ни одному из них стать абстрактным цветообозначением, дойти до той степени отвлеченности, чтобы стать словом, покрывающим собой или вбирающим в себя все оттенки красного цвета, каким впоследствии стало слово *красный*» [6, с. 162]. Группа красного тона в истории русского языка отличалась «своей многочисленностью» [10, с. 240]. «Одной из отличительных особенностей лексико-семантической группы цветообозначений в русском языке является наличие в ней в любой исторический период наибольшего количества названий для красного цвета и его оттенков» [6, с. 31]. В группе красного тона долго не было ярко выраженной доминанты, которой впоследствии стало цветообозначение *красный*. В сопоставительном плане интерес представляет исследование Ю. В. Норманской цветообозначений в санскрите, где история группы красного тона, по сути, повторяет историю этой группы в русском языке.

«Характерной особенностью группы ц.о. красного цвета в Ведах является, с одной стороны, ее относительная многочисленность, а, с другой стороны, отсутствие ярко выраженного основного ц.о. Это выделяет ее из систем названий других цветов в Ведах и систем названий «красного» цвета в более поздней санскритской литературе» [15, с. 46]. Далее «группа ц.о. «красного» цвета претерпевает... кардинальные изменения: резкое сокращение числа названий «красного» цвета и появление нового употребительного слова *raktá*, которое становится в группе «красного» цвета «основным», «всеобъемлющим» [15, с. 47]. У Н. Б. Бахиной читаем: «...во второй половине XVI в. в русских памятниках появляется в качестве цветообозначения слово красный. Видимо, его появление сыграло большую роль в судьбе древних цветообозначений с корнем *červ. Какое-то время они как бы сосуществуют в языке, но затем довольно быстро и интенсивно цветообозначение красный вытесняет старые, общеславянские» [6, с. 162]. Заметим, что «загадочная» (Бахина) цветолексема красный продолжает интересовать историков русского языка тем, что она оказалась «вне системы». Эта «внесистемность» достигла такой степени, что Е. А. Кожемякова, изучавшая семантическую структуру цветообозначений в индоевропейском, общеславянском и древнерусском языках, даже не включает слово в системный анализ, несмотря на его ценнейшее этнокультурное и эстетическое содержание [8]. Мы считаем, что ответы надо искать в происхождении слова. Научные результаты Ю. В. Норманской подтверждают закономерное развитие колоративной системы в разных языках и предполагают расширенное сопоставление групп, в частности, красного тона. Мы полагаем, что такое *зеркальное* развитие группы красного возможно при условии, что предметы-эталон красного цвета были одинаковы, их было несколько и они были значимы для человека. В случае с красным цветом прототипические объекты у всех народов присутствуют довольно четко и носят универсальный характер: огонь, кровь, солнце, заря.

Сочетаемость колоративов с названиями тканей и одежды, а также драгоценных камней определяется экономической ситуацией и способами производства товаров в Древней Руси. Активно развивалась торговля с другими странами, ткань была товаром как импорта, так и экспорта. Отсюда возникала необходимость точного описания поставляемого товара, а так как ткань окрашивалась вручную, возникало множество оттенков товара в зависимости от пропорций красочных материалов, и этот факт требовал от языка как можно большего числа колоративов, точно называющих цвет. Почему колоративы часто сочетались с названиями одежды, тоже ясно: она изготавливается из ткани.

Драгоценные камни также были ценным товаром. Сочетаемость цветолексем с названиями домашних животных определена особенностями ведения хозяйства: оседлый образ жизни вывел домашний скот по важности на первый план (прежде всего корову, которую русский народ всегда ласково называл кормилицей, и коня как главного помощника в возделывании земли).

Итак, анализ сочетаемости колоративов в XI–XIV вв. показал, что 1) они, как правило, сочетались со словами, обозначающими базовые понятия, связанные с жизненно важными предметами реальной действительности; 2) половина проанализированных цветолексем являются двух-, трех- и поливалентными, что, вероятно, связано, с одной стороны, с исторической многозначностью, с другой – с развитием абстрактных значений; 3) половина проанализированных цветолексем являются моновалентными и, как правило, архаизмами. Среди одновалентных слов со значением цвета отметим а) слова неясного происхождения (*болкатый*,

еринной, оброщенный, бронный); б) заимствования или образования по русской словообразовательной модели от заимствованных лексем (*златый, карий, мушкатовый, плавый, прапрудный, рыждий, чубарый, чалый, примрачный*); в) ЦО, являющиеся промежуточным звеном в эволюции лексико-семантических групп того или иного тона (*празеленый, назельный, попелый, попьстреный, проседы, пръполесый, росый, родрый, узелень, у(ю)багрый, у(ю)синь*). Некоторые моновалентные ЦО в истории языка претерпели специализацию значения и выступают как мастеобозначения (*курый, карий, чубарый, чалый, бронный*).

Из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» мы выбирали материал, относящийся к XV–XVII вв., чтобы проследить динамику сочетаемости цветообозначений, рассмотренных по данным «Материалов...» И. И. Срезневского. Для анализа отобрано **267** колоративов. Из них одновалентных – 141 (53%), двухвалентных – 58 (22%), трехвалентных – 30 (11%), поливалентных – 38 (14%).

Одновалентны цветовые лексемы *ангуличный* (серо-голубой), *аспидный, багрецовый, багровидный, багряновидный, багряностный, беловатый, белокуроватый, белообразный, белопестрый, белорусый* (светло-русый), *белосерый, белостный, белявый, бледноватый, бледновидный, бледностный, болкатый, бурнастый* (рыже-бурый – о лисьем мехе), *впробель, враный, всечервлёный, гвоздичневый, гвоздичный, глинный, гличатый, голубепегий* (о лошадиной масти: пятнисто-серый), *гуляфный* (розовый), *диковатый* (сероватый), *доброцветущий* (разноцветный), *дропятый* (буланный с крапинками), *дымлеватый, дымчаный* (то же, что дымчатый), *езебелевый* (в словаре не указан цветовой оттенок; предполагаем, что это цветное слово может быть фонетической вариацией колоратива (а ныне – только мастеобозначения) *изабелловый* «светло-соломенный с розоватым отливом»), *желтехонький, задымчатый, зекрый, земляной* (цвета земли), *златозрачный* (золотистый), *иглиный* (цвета стальной иглы, серо-голубой), *игриненый* (светло-рыжий со светло-серой гривой и хвостом (о лошадях)), *избура-пегий, избура-рыжий, изгнеда-бурый, изрусый* (русоватый), *иноличный* (другого цвета), *каракуль(ь), кауренький, крапивный, краснокарий, красномалиновый, краснорусый, кубковый* (ярко-синий), *кумачный* (красный), *лимоновый, малиновый, медный, многопестротный* (очень пестрый), *многошарный* (разноцветный), *морозоватый, мскусовый* (цвета мускуса), *муравый, мурамный, муругий, мухоморый* (то же, что *мухортый* «с желтоватыми или белесоватыми подпалинами у морды, ног и в паху»), *мухортенький, мушкатной* (красноватый), *мясной, надрус, надчермен* (прил. в крат. ф. – «рыжеват»), *назеленен, нецветный, облакотный* (голубой), *огнеобразный, паф(хв)иялковый* (отливающий фиолетовым цветом), *пелесоватый* (неоднородный по цвету), *пестреный, пестроватый, песчаный, подласый* (с пятнами более светлой масти, чем основная (о лошадях)), *подчерленостный* (похожий на красный цвет), *полседой* (не совсем седой, с проседью), *полусиний, попел(е)ный, порфирозеленый* (красно-зеленый), *порфирный, пребелый, прибелый* (белесоватый), *прибледы, призеленый, прирыжий, причермен, причермный, причермь, пропестрый* (пестроватый), *прочерный* (черноватый), *редропестрый, рефтяно* (предик. прил. – «цвета рефти (серовато-белого)»), *румяноватый, румяножелтый, русовласый, рыждий, рыжебурый, рыженький, рынжовый* (темно-серый), *саврасопегий, светлобагровый, светлобрусничный, светлобурый, светлоголубой, светлодымчатый, светлокориный, светлокрапивный, светлолазоревоый, светло-маковый, светлосочный, светлорудожелтый* (светло-оранжевый), *светлорыжий, светлочермный, светочный* (цветной), *свинцоватый, сединавый* (седой, с седыми волосами), *сереный* (белый, бело-серый), *серогорячный, серочервлёный, сиводушчатый* (о цвете меха лисы: буро-рыжий с темно-серыми горлом и брюхом), *синь, сливный* (сливовый),

смугленьй, смядый (смуглый, темного оттенка), *снежновидный, соловопегий, темногвоздишной, темнокоричный, темнолазоревый, темносерый, тмозеленый* (темно-зеленый), *червонный, чернобурый, черночеревый, черчетый*.

В основном круг сочетаемости у одновалентных цветолексем тот же, что и в XI–XIV вв.: названия одежды (однорядка, одежда, стихарь, шлык, кибит, кафтан, бархат, шуба, телогрея, ризы, чулки, ткань: [кафтан] **...езебелевой** [16, вып. 5, с. 41], **чулки... свѣтлорудожелты** [16, вып. 23, с. 145]), тканей (бархатель, сукно, киндяк (хлопчатобумажная ткань), камка, сафьян, шелк, зуфь, китайка: **полусиняго бархату** [16, вып. 16, с. 273], **камки румяножелтой** [16, вып. 22, с. 255], **сафьяновъ... рынжовыхъ** [16, вып. 22, с. 276]), личные имена людей (Патроколот, Петруша, Матфейко, Савва, Антиох: **Петруша бѣлорусь** [16, вып. 1, с. 136]), части тела человека (глаза, зубы, лицо, борода, очи, волос, власы: **борода изруса** [16, вып. 6, с. 206], **очи прочерны** [16, вып. 20, с. 285]). По-прежнему много колоративов сочетаются со словами, обозначающими лошадей, но добавляются и названия других животных и птиц, как домашних, так и диких, промысловых (корова, лисица, конь, мерин, жеребец, змий, свинья, кобылка, коза, бык, жеребенок, кобыла: **лисицу бурнастою** [16, вып. 1, с. 357], **кон голубепѣг** [16, вып. 4, с. 43], **многостротнаго змия** [16, вып. 9, с. 211]). Сочетаний со словами, называющими животных, у одновалентных колоративов в XV – XVII вв. встречается больше, чем прочих: 32 (23%). Часто одновалентные цветообозначения сочетаются с родовым для колоративов словом «цвет»: **ангуличной цвѣтъ** [16, вып. 1, с. 39], **мскусова цвѣту** [16, вып. 9, с. 292], **цвѣтъ пахвиялковой** [16, вып. 14, с. 175], **цвѣтъ прибѣль** [16, вып. 19, с. 93] (23 употребления, что составляет 16.5% от общего числа). Сочетаемость со словами из лексико-семантической группы «ткани», по сравнению с XI–XIV вв., встречается реже: всего 19 употреблений.

Большинство моновалентных цветообозначений, отраженных в словаре, являются образованиями от базовых колоративов. Язык уже накопил достаточное количество «цветовых» корней и искал в промежутке XV–XVII вв. способ передачи более тонких оттенков цвета:

- через суффикс -оват, а также через приставки при-, про-, на-, над-, равные по значению суффиксу -оват: *беловатый, морозоватый, румяноватый; прибелый* – «белесоватый» (**цвѣтъ прибѣль**) [16, вып. 1, с. 93], *призеленый* – «слегка зеленый, с зеленым оттенком, зеленоватый» (**сѣмена призелены**) [16, вып. 19, с. 154]; *надчермен* – «рыжеват» (**мужь надчермень**) [16, вып. 10, с. 82]. Отметим, что цветочные слова с приставками на- и над- часто представлены краткой формой прилагательного или неизменяемым словом.
- через деминутивные образования (например, *кауренький, мухортенький, рыженький*);
- через адъективные композиты (например, *краснорусый, соловопегий, багровидный, доброцветущий*). Вслед за В. Г. Кульпиной, отметим активность такой модели деривации, как адъективные композиты, и покажем, что передают цветочные сложения [17, с. 126–129]:
- степень распространенности цвета (*всечервленный, многостротный, многошарный*);
- оттеночный комплексный цвет (*избура-рыжий, избура-пегий, изгнеда-бурый, краснокарий, красномалиновый, краснорусый, румяножелтый, саврасопегий*);
- модификации цветности, осуществляемые за счет модификаторов светло-, темно-/тьмо- (*светлокрапивный, светлолазоревый, светло-маковый* – всего 17 цветолексем с модификатором светло-; *темногвоздишной, темнокоричный, тмозеленый*).

Результатом поиска оптимального колоратива стали и сочетания, передающие оттенки масти лошадей: *в буре пег* (бурый с большими белыми яблоками: **меринъ в бурѣ пѣгъ** [16, вып. 14, с. 185]), *в вороне голуб* (серый с черным оттенком: **меринъ вороны голубъ** [16, вып. 4, с. 70]) и т.п.

Двухвалентные цветовые слова – *ан(м)гулинный* (серо-голубой), *багрый*, *беленький*, *блѣдый*, *брусничный*, *буланый*, *бурнатный* (красновато-коричневый), *буролысый* (бурый с белыми пятнами (о масти лошади)), *вишний*, *вороной*, *впроседь*, *железный* (похожий по цвету на железо), *золотой*, *изгреный*, *изумрудный*, *карепегий*, *кармазинный* (ярко-красный), *киноварный*, *коричневый*, *краснопестрый* (имеющий пятна красного цвета), *красносерый* (рыжевато-серый (о цвете глаз)), *кубовый*, *курый* (то же, что каурый), *маковый*, *малинный*, *маючий* (какой конкретно цвет называет, неизвестно, но по контексту относится к масти лошадей), *многоцветный*, *наусный* (двух противоположных цветов, например, черного с белым), *пеганый* (пегий), *пепелесый* (пестрый, полосатый), *пепелистый* (пепельного цвета), *песочный*, *погоручий/погорущий* (с красноватым оттенком, червонный (о золоте)), *подкрасный* (имеющий красноватый цвет (о ловчих птицах)), *половый*, *пома(о)ранжевый* (оранжево-красный), *попеловатый*, *порфиристый*, *прижелтый* (желтоватый), *прикрасный* (красноватый), *пропелесый* (серый, сероватый), *редрый*, *рыжепегий*, *светловишневый*, *светлокарий*, *светлорусый*, *светлосерый*, *серебряный*, *серопегий*, *сивожелезый* (темно-серый (о масти лошади)), *сивый*, *синостный* (синий, синеватый), *смаглый*, *сонцоватый* (похожий на солнце, слегка оранжевый), *цветной*, *чермный*, *черноватый*, *чернокарий*. Сочетаются, как и моновалентные цветообозначения, с названиями одежды и ее частей, тканей, драгоценных и недорогих камней и металлов, названиями частей тела человека, словом «цвет» и т.д.: **железною шерстью** [16, вып. 5, с. 82], **бычек краснопестрой** [16, вып. 8, с. 20], **глаза красносеры** [16, вып. 8, с. 21], **мраморъ пепелисть** [16, вып. 14, с. 196], **златица погорюща** [16, вып. 15, с. 196], **кречаты подкрасные** [16, вып. 15, с. 271], **цвѣтъ прикрасень** [16, вып. 19, с. 188], **камень синостень** [16, вып. 24, с. 154].

Некоторые цветообозначения сочетаются только со словами, называющими лошадей (кобыла, мерин, конь, жеребчик, иноходец, лошадь: **коня буролыса** [16, вып. 1, с. 359], **коня маючего** [16, вып. 9, с. 41–42]). По частоте употребления с двухвалентными колоративами на первом месте находится лексико-семантическая группа «животные» (31 употребление, 28%). Чуть менее распространены сочетания цветообозначений с лексемами групп «ткани» и «части тела человека» (по 12 употреблений, т.е. 11%), а также с родовым словом «цвет» (также 12 – 11%).

У трехвалентных колоративов, к которым относятся *блакитный* (голубой), *васильковый*, *глинастый* (цвета глины), *жа(е)ркой* (оранжевый), *желтоватый*, *златой(ый)* (желтого, золотистого цвета), *золотный*, *изекрый* (голубой, голубоглазый), *кирпичневый*, *коричный*, *крававый*, *лазуревый*, *мурамнозеленый* (также известны написания *мурамъ зеленый*, *муранъ зеленой*) (о темном оттенке зеленого цвета), *огненный*, *пестрообразный*, *празеленый* (иссиня-зеленый), *причернь* (черноватый), *прочермень*, *разноцветный*, *рябой(ый)*, *саврасый*, *светлолимонный*, *светлоосиновый*, *серогорячий* (бледно-желтый, похожий цветом на серу), *сизый*, *смугловатый*, *смурый* (темно-серый), *смяглый*, *соломенный*, *червлень*, в образуемых сочетаниях преобладают слова лексико-семантических групп «одежда» (17, около 20%), «ткани» (12, 15%) и «животные» (11 употреблений, 12%), часто употребляется родовое слово «цвет» (11 случаев употребления, 12%); например: **мерлушок глинастых**, **звѣрь бабръ глинасть** [16, вып. 4, с. 32]; **тафта... мурамнозелено**, **сукно мурамъ зелено**, **шатеръ муранъ зеленой** [16, вып. 9, с. 309]; **сѣрогорячей цвѣтъ**, **сукна сѣрогорячево**, **кармазину сѣрогорячаго** [16, вып. 24, с. 91–92].

Поливалентными цветообозначениями в XV–XVII вв. были *алый, ба(о)гровый, багряный, белый, бледный, бурый, вишневый, гнедой, голубой, дикий, дымчатый, желтый, зеленый, карий, каурый, красный, лазоревый, лимонной(ый), мухортый, осиновый* (цвета коры осины), *пегий, пелесый, пестрый, полосатый, рудожелтой(ый), румяный, русый, рыжий, светлозеленый, седатый, седой, серый, сизовый, синий, смуглый, червчатый, черленый, черный*. Они сочетались с более широким кругом слов, чем одновалентные, двухвалентные и трехвалентные цветолексемы, но наиболее предпочтительными для них оказались связи с группами: «животные» (58 употреблений, 17%), «ткани» (41 – 12%) и «одежда» (23 – 7%). Представители прочих лексико-семантических групп (например, «природные явления», «металлы», «растения», «пища», «место обитания человека») имеют не столь большой процент частоты употребления, как у трех перечисленных выше групп.

Широкая сочетаемость поливалентных цветообозначений определяется наличием у них нескольких, в т. ч. нецветовых значений. Рассмотрим это на примере сочетаемости цветового слова *синий*:

- в значении «синий, голубой»: **столпове... синии, синимъ нишаномъ** (прим. нишан – печать ордынских ханов на грамотах), **камень яхонтъ ... синь, нитеи синихъ, синего Дону, синем море, синии небеса, синии молњи** и т.д. [16, вып. 24, с. 150];
- в значении «имеющий оттенок темно-синего цвета»: **пламень синь** [16, вып. 24, с. 150];
- в значении «темно-синий от кровоподтеков»: **болячки синиа, спина синя, тѣло сине** и т.д.; в устойчивом сочетании **синие очи** – о глазах пьяницы [16, вып. 24, с. 150];
- в значении «черный, темный; почерневший»: **синяя лица, желѣзо сине, единъ синь** [16, вып. 24, с. 150];
- в значении «темный, черный с синеватым оттенком (о коже)»: **ефиопы сини, люди... иные сини** [16, вып. 24, с. 150];
- в значении «иссиня-черный»: **грива... синя** [16, вып. 24, с. 150].

Как мы видим, стабильно поливалентными колоративами являются те, что называют «базовые» цвета. Е. В. Рахилина считает, что «обязательным условием для того, чтобы цветообозначение было признано базовым, является его способность характеризовать природные объекты» [18, с. 35], которые предшествовали артефактам и выступали эталонами цветоименования. Несмотря на то, что прототипический объект цветовой номинации не всегда становился «идеальным носителем цвета» [19, с. 545], связь с ним, «запечатленная» в исторической семе, сохранена в современных языках. Сема «светлый», например, одинаково встречающаяся у всех цветообозначений, восходит именно к первичному, а значит, древнему объекту денотации. Одним из важнейших результатов психолингвистического эксперимента А. П. Василевича, проведенного на материале разносистемных языков, стала выявленная повторяемость предмет-эталон цветонаименования в разных языках [20], что репрезентирует универсальный характер цветовой номинации, детерминированный одинаковым развитием общественных отношений и мышления у ранних народов, которые, «...чем глубже погружаешься в их древность и древность их воззрений, тем более на одно лицо начинают... выглядеть» [21, с. 48].

Базовые цветонаименования прошли длительный путь развития и обладают множеством значений. Такие цветообозначения раньше других актуализировали абстрактную семантику: «...ЦО, которые вошли в систему абстрактных цветонаименований, всегда обладают высокой

валентностью: на ранних этапах развития языка вследствие широкой многозначности, а сейчас – в результате способности «выражать самым обобщенным способом данную цветовую субстанцию, самое важное, самое основное представление о цвете» [22, с. 267]. В целом, динамика сочетаемости отражает переход цветового слова от неопределенной, исторической многозначности к абстрактному значению и «прирост» цветолексем, наиболее активный в XVII в. и связанный с «широким развитием артефактной сферы и поисками слов, обозначающих цвет разного рода артефактов» [17, с. 126].

На изменения валентности влияет актуальная сема колоратива. Если изменится она, произойдут изменения и в сочетаемости колоратива. Так, по сравнению с XI–XIV вв., в XV–XVII вв. 29 колоративов расширили сочетаемость. Прежде всего это касается групп желтого, красного, синего и серого тонов. Приведем примеры с выделением наиболее активных цветолексем: *алый* (с 2 слов до 7), *багровый* (с 2 до 6), ***белый*** (с 18 до 53), *бурый* (с 2 до 6), *вишний* (с 1 до 2), *голубой* (с 2 до 6), *дикий*(*ий, ой*) (с 1 до 6), *дымчатый* (с 2 до 4), *златый*(*ой*) (с 1 до 3), *карий* (с 1 до 7), ***красный*** (с 20 до 44), *лазоревый* (с 7 до 9), *лимонный* (с 1 до 4), *пегий* (с 2 до 4), *пестрый* (с 6 до 14), *половый* (с 2 до 4), *полосатый* (с 2 до 4), *празеленый* (с 1 до 3), *рудожелтый* (с 2 до 5), *румяный* (с 2 до 8), *русый* (с 1 до 9), *рыжий* (с 2 до 5), *рябый* (с 1 до 3), *саврасый* (с 2 до 3), *светлозеленый* (с 1 до 4), *серебряный* (с 2 до 3), *сереный* (с 1 до 2), *сизовый* (с 2 до 5), ***синий*** (с 19 до 29).

По эвентуальным причинам расширения сочетаемости перечисленные цветообозначения можно разделить на две группы:

1) Цветообозначения, у которых причиной увеличения валентностных возможностей стало расширение семантического объема, т.е. развитие исторической многозначности (*белый, дымчатый, златый, красный, пестрый, румяный, серебряный*). У колоративов этой группы происходила актуализация цветовой семы (особенно ярко это проявилось у колоративов *златый, красный, серебряный*, изначально не имевших цветового значения), а также оценочной семы (у цветолексем *белый, златый*). Например, **бѣль** (т.е. безгрешен) **Господь** [16, вып. 1, с. 138], **злато слово** [16, вып. 6, с. 10].

2) Цветообозначения, у которых при неизменности семантического объема (таких большинство: *алый, багровый, бурый, вишний, голубой, карий, лазоревый, лимонный, пегий, половой, полосатый, празеленый, рудожелтый, русый, рыжий, рябый, саврасый, светло-зеленый, сереный, сизовый*) или его сужения (*синий, дикий*) причиной расширения сочетаемости стали, как мы полагаем, аналогии внутри лексико-семантических групп слов, с которыми сочетаются колоративы: если колоратив *лимонный* обозначал цвет, например, пояса, то по аналогии он стал использоваться и для называния окраски других видов одежды: **кушаками лимонными, зурь лимонна** [16, вып. 8, с. 235].

Происходил и обратный процесс, процесс сужения сочетаемости у колоративов: *аспидный* (с 2 до 1), *бледый* (с 3 до 2), *желтый* (с 10 до 7), *изекрый* (с 3 до 2), *кровавый* (с 4 до 3), *надрусый* (с 2 до 1), *редрый* (с 7 до 3), *червленьный* (с 9 до 3), *черленьный* (с 9 до 4), *чермный* (с 10 до 2). Как видно из примеров, этот процесс затронул по большей части группу красного тона, что вполне объяснимо: с актуализацией у колоратива *красный* цветовой семы и расширением его семантического объема изменения начались у всех существовавших на тот момент цветовых синонимов этого колоратива. Данный факт говорит о том, что сужение/расширение сочетаемости отдельно взятого цветообозначения стоит рассматривать с учетом изменений во всей лексико-семантической группе (в нашем случае – группе цветового тона), для которой свойственны синонимические отношения между компонентами.

Однако в чем причина сужения сочетаемости у цветочных слов *аспидный, бледный, желтый, изекрый*, понять сложно, т.к. все они относятся к группам разных тонов, находятся в разных фондах языка (*бледный, изекрый* – в пассивном, *аспидный, желтый* – в активном), не отличаются от прочих какими-либо словообразовательными особенностями. У данных цветообозначений нельзя выявить общей тенденции, которая могла бы указать на причину снижения их способности сочетаться с другими словами. В данном случае речь может идти о действии закона вероятностной реализации семантического генофонда.

«Валентностью цветоименований управляет закон вероятностной реализации семантического генофонда: степень актуализации тех или иных сем определяет границы валентности, погашение сем ведет к редукции, а иногда и к полной утрате валентных связей» [22, с. 267]. Причины и процессы актуализации и погашения сем пока не известны, но действие закона подтверждает тот факт, что колоративы с неразвитой валентностью архаизировались уже в промежутке XIV–XVII вв. В первую очередь из активного употребления вышли одновалентные цветочные слова: *багрецовый, багряничный, беласый, бельчатый, благокрасный, дятлен, еринный, камкосинный, курый, мушкатовый, оброщенный, попельный, прапрудный, препольный, примрачный, проседый, родрый, росый, рыждии, у(ю)багрый, у(ю)синь, узелень, червасный, шизый*, но архаизировались и те, что сочетались с 2 и более словами: *багр* (2), *бурнатный* (3), *дуг(н)атый* (2), *насусный* (2), *ска(о)рлатный* (2), *учьрмьнь* (2), *цениньныи* (2), *червеный* (4), *черчатый* (4).

Выводы:

1. Анализ валентности колоративной лексики XI–XIV и XV–XVII вв. показал: основные группы слов, с которыми сочетались цветолексемы в XI–XVII вв. («одежда», «животные» и др.), практически не менялись на протяжении указанного промежутка времени, что указывает на их базисный характер.

2. По валентным свойствам все колоративы можно разделить на 4 группы: одновалентные, двухвалентные, трехвалентные и поливалентные. Распределение колоративов по валентным связям отражает наметившуюся в языке тенденцию к их различной функции. Наиболее ценными для становления колоративной системы цветообозначений в русском языке являются группы моновалентных (189 из 364) и поливалентных (58 из 364) колоративов.

3. Сравнение двух хронологических пластов русской колоративной системы позволило выявить

а) значительное увеличение цветолексем (97 и 267), наиболее выраженное в группе моновалентных слов. Их количество увеличилось примерно в 3 раза (48 и 141);

б) зародившуюся в первый период и ярко проявленную во второй словообразовательную активность группы моновалентных цветолексем, направленную на генерацию словообразовательных вариантов на основе русских корней с редким вкраплением заимствований в сложных словах (*беловатый, белообразный, белостный, белявый, впробель, пребелый, прибелый* и др.). Группа моновалентных цветолексем выполнила историческую функцию, обеспечив значительный «прирост» как цветочных слов, так и их значений, которые впоследствии были использованы для отбора наиболее оптимальных. Все, что языком не было «одобрено», вышло из активного употребления. Наибольшее количество архаизмов отмечается именно в группе моновалентных колоративов;

в) создание устойчивого колоративного словаря русского языка. Устойчивый фонд в колоративной системе русского языка представляют абстрактные цветообозначения, общеупотребительные слова и слова, претерпевшие специализацию значения. Все они обеспечены

группой поливалентных цветоименований. Из 58 поливалентных колоративов 43 были актуализированы и вошли в современный русский язык как фрагмент его основного словарного фонда, причем 10 из них одинаковы для обоих периодов: *багряный, белый, вишневый, желтый, зеленый, красный, лазоревый, пестрый, синий, черный*.

4. Научный анализ динамики валентных свойств цветолексем в истории русского языка обнаружил действие двух тенденций в эволюции его колоративной системы, находящихся в комплементарных отношениях:

а) активную генерацию слов со значением цвета, сопровождавшуюся расширением их семантического объема;

б) стремление к стабилизации колоративной системы русского языка, выраженной в отборе и актуализации оптимальных колоративных единиц.

5. Перспективными направлениями в исследовании исторических валентных связей колоративов представляются следующие:

а) выявление принципа (-ов) цветовой номинации и, как следствие, эволюции номинативной модели цветоименования в русском языке;

б) определение особенностей цветолексем, претерпевших специализацию значения;

в) изучение причин выхода цветолексем из активного употребления.

Литература

1. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // *Вопросы языкознания*. 1987. №3. С. 20–32.
2. Кустова Г. И. Валентности и конструкции прилагательных // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2006»*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. С. 323–328.
3. Малютина М. А. К истории слова «белый» в древнерусском языке (по материалам летописей 11–12 вв.) // *Уч. записки Кишиневского гос. ун-та*. 1961. Т. 47. С. 43–51.
4. Суровцова М. А. К истории слова синий в русском языке // *Уч. записки Кишиневского гос. ун-та*. 1964. Т. 71. Вопросы общего и русского языкознания. С. 90–95.
5. Суровцова М. А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // *Этимологические исследования по русскому языку*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. Вып. 8. С. 136–154.
6. Бахилина Н. Б. *История цветообозначений в русском языке*. М.: Наука, 1975. 286 с.
7. Алимбиева Р. В. *Семантическая значимость слова и структура семантической группы: На материале прилагательных-цветообозначений русского языка*. Л.: ЛГУ, 1986. 177 с.
8. Кожемякова Е. А. Семантическая структура цветообозначений в индоевропейском, общеславянском и древнерусском языках // *Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Мат-лы региональной научной конференции*. Чебоксары: изд-во Чуваш. ун-та, 2000. С. 194–207.
9. Кульпина В. Г. *Термины цвета в польском и русском языках*. М.: Московский лицей, 2001. 472 с.
10. Норманская Ю. В. *Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках*. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. 326 с.
11. *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ* / Отв. ред. А. П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. 320 с.
12. Гайсина Р. М. Проблема многозначности с позиций говорящего и слушающего // *Язык: философия, семантика, синтаксис: Сборник избранных работ*. Уфа: РИЦ Баш ГУ, 2008. С. 313–321.
13. Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893.
14. Влавацкая М. В. Комбинаторная семасиология (семантика и сочетаемость слов) // *Мир науки, культуры, образования*. 2009. №7(19). С. 29–34.
15. Норманская Ю. В. Цветообозначения в санскрите // *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ* / Отв. ред. А. П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 40–53.
16. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975–2006.

17. Кульпина В. Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ* / Отв. ред. А. П. Василевич. М.: КомКнига, **2007**. С. 126–184.
18. Рахилина Е. В. О семантике прилагательных цвета // *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ* / Отв. ред. А. П. Василевич. М.: КомКнига, **2007**. С. 29–39.
19. Кожемякова Е. А. Универсальное и национально-своеобразное в эволюции семантики цветообозначений: формирование связи с предметом в русском языке // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. **2010**. №4(2). С. 545–548.
20. Василевич А. П. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначения в языках разных систем*. М.: Наука, **1987**. 138 с.
21. Гачев Г. Д. *Национальные образы мира*. М.: Сов. писатель, **1988**. 448 с.
22. Кезина С. В. *Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект)*. 2-е изд. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, **2008**. 304 с.

Поступила в редакцию 13.12.2016 г.

После доработки – 15.02.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.1.6

The compatibility dynamics of the color names in the history of the Russian language

© S. V. Kezina, M. N. Perfilova*

*Penza State University
40 Krasnaya St., 440026 Penza, Russia.*

**Email: sovyshka2608@yandex.ru*

The article is devoted to the study of the dynamics of the compatibility of the color designations in the Russian language. The scientific novelty of the study is determined by unexplored valence bonds of color designations in the historical aspect. The relevance of scientific analysis determined a systematic approach to the subject of study, ensures veracity of its results. The work is aimed at identification of trends in the evolution of color designations system of the Russian language through the analysis of the valence bonds of color designations. Two fragments of the lexical-semantic group “color” in the Russian language of different times (from the 11th to 14th century based on “Materials for the dictionary of the Old Russian language of the written monuments” by I. I. Sreznevsky and from the 15th to 17th century based on the “Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries”) were subjected to comparative analysis. The separation of material by centuries is conditioned by its amount and uniqueness. Constitutive method of scientific analysis is historical and comparative. By the analysis of the dynamics of compatibility properties of the color designations, it was revealed that a fundamental role in the development of the color lexical system of the Russian language was played by a group of monovalent and polyvalent color designations. Comparison of the two chronological layers of Russian vocabulary of colors showed a significant increase in number of color terms especially in the group of monovalent words. High word-building activity of monovalent color designations in the history of the language made the group to be “the resource base” of the color lexical system. When the optimal color designations were selected, “insufficient” designations consisted the group of archaic members. If the group of monovalent color designations was “raw materials” for the selection of the most appropriate lexemes, the group of polyvalent color designations formed a stable color dictionary of contemporary Russian language. This word group includes abstract color terms, common words, and words that have undergone specialization of their meaning. The performed analysis of compatibility bonds of color designations in history of Russian language identified trends in the evolution of color lexical system as a whole. It showed that intensification of active generation of words with the color meaning provided with “raw material” the selection of color designations and the selection and actualization of optimal color designations and their meanings contributed to stabilization of color lexical system.

Keywords: color designation, compatibility, historical polysemy, lexical group, archaism, monovalent color designations, polyvalent color designations.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Kezina S. V., Perfilova M. N. The compatibility dynamics of the color names in the history of the Russian language // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 1. Pp. 67–81.

References

1. Katsnel'son S. D. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1987. No. 3. Pp. 20–32.
2. Kustova G. I. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2006»*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2006. Pp. 323–328.
3. Malyutina M. A. *Uch. zapiski Kishinevskogo gos. un-ta*. 1961. Vol. 47. Pp. 43–51.
4. Surovtsova M. A. *Uch. zapiski Kishinevskogo gos. un-ta*. 1964. Vol. 71. *Voprosy obshchego i russkogo yazykoznaniiya*. Pp. 90–95.

5. Surovtsova M. A. *Etimologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, **1976**. No. 8. Pp. 136–154.
6. Bakhilina N. B. *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke [The history of color designations in the Russian language]*. Moscow: Nauka, **1975**.
7. Alimpieva R. V. *Semanticheskaya znachimost' slova i struktura semanticheskoi gruppy: Na materiale prilagatel'nykh-tsvetooboznachenii russkogo yazyka [The semantic significance of the word and the structure of the semantic group: Based on color-designating adjectives of Russian language]*. Leningrad: LGU, **1986**.
8. Kozhemyakova E. A. *Chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury: Mat-ly regional'noi nauchnoi konferentsii*. Cheboksary: izd-vo Chuvash. un-ta, **2000**. Pp. 194–207.
9. Kul'pina V. G. *Terminy tsveta v pol'skom i russkom yazykakh [Color terms in Polish and Russian languages]*. Moscow: Moskovskii litsei, **2001**.
10. Normanskaya Yu. V. *Genezis i razvitie sistem tsvetooboznachenii v drevnikh indoevropskikh yazykakh [The genesis and development of systems of color terms in ancient Indo-European languages]*. Moscow: In-t yazykoznaniiya RAN, **2005**.
11. *Naimenovaniya tsveta v indoevropskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz [The name of the color in Indo-European languages: Systematic and historical analysis]*. Ed. A. P. Vasilevich. Moscow: KomKniga, **2007**.
12. Gaisina R. M. *Yazyk: filosofiya, semantika, sintaksis: Sbornik izbrannykh rabot*. Ufa: RITs Bash GU, **2008**. Pp. 313–321.
13. Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Russian language of the written monuments]*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, **1893**.
14. Vlavatskaya M. V. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. **2009**. No. 7(19). Pp. 29–34.
15. Normanskaya Yu. V. *Naimenovaniya tsveta v indoevropskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz*. Ed. A. P. Vasilevich. Moscow: KomKniga, **2007**. Pp. 40–53.
16. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]*. Moscow: Nauka, 1975–2006.
17. Kul'pina V. G. *Naimenovaniya tsveta v indoevropskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz*. Ed. A. P. Vasilevich. Moscow: KomKniga, **2007**. Pp. 126–184.
18. Rakhilina E. V. *Naimenovaniya tsveta v indoevropskikh yazykakh: Sistemnyi i istoricheskii analiz*. Ed. A. P. Vasilevich. Moscow: KomKniga, **2007**. Pp. 29–39.
19. Kozhemyakova E. A. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. **2010**. No. 4(2). Pp. 545–548.
20. Vasilevich A. P. *Issledovanie leksiki v psikholingvisticheskom eksperimente: Na materiale tsvetooboznacheniya v yazykakh raznykh sistem [The study of vocabulary in psycholinguistic experiment: Based on of color designations in languages of different systems]*. Moscow: Nauka, **1987**.
21. Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]*. Moscow: Sov. pisatel', **1988**.
22. Kezina S. V. *Semanticheskoe pole tsvetooboznachenii v russkom yazyke (diakhronicheskii aspekt) [The semantic field of color designations in the Russian language (diachronic aspect)]*. 2 ed. Penza: PGPU im. V. G. Belinskogo, **2008**.

Received 13.12.2016.

Revised 15.02.2017.